

Однажды в Риме...

Николай Васильевич Гоголь любил путешествовать. Это было для него не отдыхом, а настоятельной необходимостью. Для творческого разбега ему необходима была дистанционная удаленность от объекта изображения. В этом не раз признавался сам писатель: "...уже в самой природе моей заключена способность только тогда представлять себе живо мир, когда я удалился от него. Вот почему о России я могу писать только в Риме. Только там она предстает мне вся, во всей своей громаде. А здесь я погиб и смешался в ряду с другими. Открытого горизонта нет предо мною" (Письмо П.А. Плетневу 17 марта 1842, Москва).

И конечно же, побуждало к постоянным переездам рано проявившее себя нездоровье. Мятущаяся душа прославленного при жизни Николая Васильевича Гоголя постоянно гнала его в дорогу. Только в дороге наступало относительное душевное равновесие. И все же были города, дома, люди, где великий писатель обретал относительный покой. Таким домом была вилла княгини Зинаиды Волконской в Риме.

Гоголь трепетно любил Италию, считал ее своей прародиной. В апреле 1838 года он писал М.П. Балабиной (своей ученице в Санкт-Петербурге): "Мне казалось, что будто я увидел свою родину, в которой несколько лет не бывал я, а в которой жили только мои мысли. Но нет, это все не то, не свою родину, но родину души своей я увидел, где душа моя жила еще прежде меня, прежде чем я родился на свет".

Семнадцатилетняя Мария Балабина получала от Гоголя очаровательные письма на итальянском языке. На вилле Волконской его привечали, любили и создавали условия для плодотворной работы. Судите сами: в Риме были написаны I-й том "Мертвых душ" и "Шинель". Подверглись значительной переработке "Тарас Бульба" и "Портрет". И наконец, получили окончательную редакцию пьесы "Женитьба" и "Ревизор".

По сей день сохранились любимые уголки Гоголя на вилле Волконской. На стене акведука, построенного еще при императоре Клавдии (годы правления — 41-54 гг. н. э.) писатель лежал часами, устремив взгляд в бездонное итальянское небо. Знойные полуденные часы писатель проводил в прохладном гроте, который так и называли — грот Гоголя.

В общей сложности в Риме прожил писатель около трех с половиной лет. Почти 10 месяцев прожил в Неаполе, посетил также Геную, Пизу, Флоренцию, Венецию. В Неаполе добрым ангелом-хранителем для Гого-

ля была Софья Петровна Апраксина-Толстая. Она приютила писателя в своем "Палаццо Фернандини". Отсюда Н. В. писал Жуковскому в ноябре 1846 г: "Как только приехал я в Неаполь, все тело мое почувствовало желанную теплоту, утихнули нервы...". Здесь писатель прожил около полугода, работал над II-м томом "Мертвых душ". Еще в 1838 году некоторое время Гоголь прожил в Каstellамаре близ Неаполя у гостеприимного семейства Репниных. Княжна Варвара Николаевна Репнина была уроженкой Полтавы, где отец ее Н.Г. Репнин-Волконский занимал пост генерал-губернатора Малороссии. Гоголь гостил у Репниных в 1848 году в Яготине, а также часто видался с ними в Одессе в 1850-1851 гг. Княжна Репнина была племянницей княгини Волконской.

О Зинаиде Волконской читатель, возможно, читал ранее (см. "Дерибасовская — Ришельевская", кн. 22, 2005 г., с. 19-23), поэтому автор позволит себе не повторяться. Следует лишь упомянуть, что вилла Волконской была островком доброты и милосердия для всех нуждающихся в поддержке: моральной и финансовой.

На вилле Волконской собралась вся русская диаспора. Н.В. Гоголь организовал в пользу художника Ивана Шаповаленко публичное чтение "Ревизора", хотя сам в это время страдал от нездоровья. Было собрано 500 рублей. Эта значительная сумма позволила продержаться Шаповаленко некоторое время, пока не был восстановлен пенсiон. А в 1845 году произошло событие, счастливо изменившее жизнь художника. Рим посетил Николай I. Его восхитили прекрасные мозаики на стенах собора Святого Петра. В Санкт-Петербурге в это время возводился главный собор столицы — Исаакиевский. Ему суждено было стать на четвертое место после соборов Святого Петра в Риме, Святого Павла в Лондоне и Санта-Мария-дель-Фьоре во Флоренции по грандиозности, величию и красоте внутреннего убранства.

По высочайшему повелению в 1846 году в Риме был открыт класс для изучения секретов мозаики под руководством известного римского мозаичиста Барбери. В классе было трое учеников: Шаповаленко, Раев и Федоров.

Опять же неизвестно, почему в июле 1851 года римская студия была закрыта, а Шаповаленко, Раев и Федоров были отозваны в Россию вместе с начатыми и оконченными работами. Художников-мозаичистов ожидал большой и ответственный труд. Высочайше было утверждено положение Императорского мозаичного заведения. Основателем мозаичной мастерской был Иван Савельевич Шаповаленко. Началась кропотливая ра-

бота по переводу росписей Исаакиевского собора в мозаики. В короткий срок было налажено производство смальты — сплава стекла с металлическими красителями, в том числе канторели — золотой смальты, из которой набирались фоны мозаичных картин.

В мастерской было произведено 12 тысяч (!) оттенков смальты. Работы над мозаиками начались в 1851 году и продолжались вплоть до 1914 г. уже учениками Шаповаленко.

Мозаики Исаакиевского собора были особо отмечены на Всемирной выставке 1862 года в Лондоне. Было сказано, что изготовление смальт в России "доведено до такого совершенства, как нигде в Европе". А на Всемирной выставке 1867 года в Париже русскому мозаичному отделению была присуждена главная награда — золотая медаль.

Жаль, что не смогли порадоваться успехам Шаповаленко ни его учитель — Александр Андреевич Иванов, ни Николай Васильевич Гоголь. Их к тому времени уже не было на этом свете.

А сам Шаповаленко скончался в 1890 году в с. Дувани Златоустовского уезда Уфимской губернии, вдали от Исаакиевского собора, вдали от Украины. Его фамилия окончательно стала Шаповалов. "Всемирная иллюстрация" (см. 1890 год, № 1139) поместила некролог, посвященный художнику-мозаичисту Шаповалову.

* * *

Последними словами Гоголя были: "Читай больше, друг мой", — обращенные к ухаживавшему за ним фельдшеру Зайцеву. Николай Васильевич оказывал постоянную поддержку "недостаточным" студентам, причем делал это анонимно. Выделенные писателем суммы отправлялись через профессоров С.П. Шевырева и П.А. Плетнева. По смерти Гоголя в его личных вещах оказалось всего 58 рублей, а для студентов предназначалось 5 тысяч рублей. Гоголь почитал для себя святым долгом поддержать человека, стремящегося к знаниям, но испытывающего материальные трудности на долгом пути "умственного развития".

Студенты зачитывались произведениями Гоголя. Выпускник Ришельевского лицея А.Л. Деминитру рассказывал, что его однокашники буквально толпами ходили за гуляющим по одесским улицам писателем. А сам Гоголь "с любопытством допрашивал о житье-бытье одесских лицеистов, между которыми у меня было много знакомых", — вспоминал молодой в ту пору А.П. Толченев, режиссер Одесского драматического театра.

Зиму 1850-1851 годов Гоголь прожил у своего дальнего родственника А.А. Трощинского. Ежедневно писатель бывал у княгини Варвары Алексеевны Репниной, жившей с дочерью княжной Варварой Николаевной, либо у княгини Елисаветы Петровны Репниной. Подробнее об этом см. Вл. Шенрок. Гоголь в Одессе, 1903 год.

Великий писатель готовил свою душу к переходу в мир иной. В салонах он читал "Одиссею" Гомера, "Бориса Годунова" Пушкина, но обязательным стало обращение к духовной литературе. Гоголь читает ежедневно главу из Библии на славянском, латинском, греческом и английском языках.

Глядя в небо, Гоголь не забывал о живущих на земле. Он творил с мыслями о "потомстве" — так называл он своих будущих читателей.

В 1836 году Гоголь писал В.А. Жуковскому из Парижа: "Еще восстанут против меня новые сословия и много разных господ; но что ж мне делать! Уже судьба моя враждовать с моими земляками. Терпение! Кто-то незримый пишет передо мною могущественным жезлом. Знаю, что мое имя после меня будет счастливее меня, и потомки тех же земляков моих, может быть, с глазами, влажными от слез, произнесут примирение моей тени".

